

О ПОСРЕДНИКЕ МИРООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена сравнению типов мироотношения, характерных для индустриальной и постиндустриальной эпох. В качестве ключевого рабочего понятия автор выбирает объект-посредник, определяющий доминирующую структуру – мир человека. Для индустриальной эпохи объектом-посредником служили наиболее эффективные средства преобразования – духовные и материальные, априорные категории, пушки, машины. Для постиндустриальной эпохи таковым является типичная индустриальная технология, вышедшая за пределы материального производства и получившая всеобщее распространение.

Ключевые слова: априори; пушки и машины; глубина; постиндустриальная эпоха; технология; цифра в электронике

Наша цель – дополнить концепцию Д. В. Пивоварова, согласно которой основой культуры является идеалообразование. Попытаемся подойти к этой теме со стороны мироотношения.

Категорию мироотношения нельзя назвать слишком четко очерченной и определенной уже в силу ее предельной широты. Она включает в свое содержание более точно разработанные категории: мировоззрение, мироощущение, мировосприятие, миропонимание; материально-деятельностную и духовно-рефлексивную составляющие. «Мироотношение» по объему сопоставимо со «всеобщим» и другими предельными категориями. Тем не менее, неопределимое можно так или иначе прояснить, хотя бы указанием на характерные контексты. Например, Гегель, рассуждая о смысле всеобщего, приводит высказывание Руссо, согласно которому «законы государства должны иметь своим источником всеобщую волю... но они вовсе не обязательно должны быть поэтому волей *всех*» [1, с. 269].

Применительно к мироотношению мы хотели бы выделить элементы структуры, которые, возможно, могут уточнить его специфику. «Отношение к отдельному фрагменту мира может быть для человека настолько существенным, что оно определяет, как закон, отношение к другим фрагментам и к миру как целому. Объект такого существенного отношения является посредником отношения к другим объектам, а отношение к нему детерминирует всю систему отношений, задает существенные особенности поведения и деятельности» [5, с. 36]. Качество *объекта-посредника* «коррелировано с некоторой доминирующей (для данного субъекта) объектной структурой, выполняющей функцию уже не посредничества или представления, а скорее замещения мира. Назовем такую структуру *объектом-доминантой*... Объект-доминанта – фрагмент мира, являющийся в то же время миром человека, он очерчивает круг основных интересов. Он не охватывает и не исчерпывает «всего» мира, но уже самый выбор объекта-доминанты представляет собой мир – отношение» [5, с. 39].

Общий объект-посредник может характеризовать группу, социум, народ, культуру. Можно констатировать, что некоторые объекты, или же группы объектов, задают типы мироотношения эпохального масштаба. Попытаемся определить посредники и определяемые ими доминанты, наиболее характерные для типов культуры прежней и современной эпохи.

Для начала мы сталкиваемся с вопросами, почти вечными для сообщества историков и культурологов. Для

обозначения этапа, предшествующего современному (или, по крайней мере, его бурного начала) допустимо применение по крайней мере трех наименований: Новое время, индустриальная эпоха, фаустовская культура, эпоха модерна. Когда эта эпоха началась? Историки не дают однозначного ответа, но все же начало здесь более определено, чем, например, начало средневековья: при всех расхождениях, большинство историков предпочитает «отсчитывать» Новое время от Английской революции. Ее роковым, рубежным событием считается казнь Карла I, происшедшая в 1625 году. Рамки становления индустриализма очерчены не слишком четко, но нетрудно выделить ключевые события: в 1764 г. создана прядильная машина «Дженни», в 1784 г. появилась паровая машина двойного действия (авторства Дж. Уатта), в период от 1803 до 1814 гг. появились рельсы, паровозы, пароходы. Даты приведены применительно к родине промышленного переворота – Англии. Даты жизни И. В. Гете (1749–1832) не дают возможности определить, когда именно имел место «эпицентр» работы над «Фаустом». Гете писал «Фауста» всю жизнь, но завершил в ее финале, после того, как осознал свой преклонный возраст, в связи с тем, что 17-летняя девушка отказалась принять его руку и сердце. Таким образом, события, определившие «начало», размещены на стреле времени достаточно плотно.

Добавим еще один временной интервал. Даты жизни И. Канта: 1724–1804 гг. Его «чувство» времени, восприятие нерва культуры предопределило многие последующие воззрения. Канта критиковали многие известные авторы, – от Гегеля до В. И. Ленина, – но наиболее энергичным критиком оказался, наверное, В. Ф. Эрн, объявивший Канта предтечей германского милитаризма, наиболее внушительным материальным выражением которого стали орудия Круппа. «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичности; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в философии Канта» [7, с. 101]. Аналогия проста: априорными категориями в мир вносятся законосообразность и порядок, орудия Круппа несут миру германский порядок. В.Ф Эрн замечает также, что «в крупнейших орудиях Круппа первенствующая в технике Германия доходит до некоего человеческого *предела*» [7, с. 104].

Действительно, орудий, подобных Парижской пушке (из которой обстреливали Париж со 100-километровой дистанции) или Большой Берте, больше не создавалось, но замечание Эрна о пределе позволяет обнаружить в его аналогии иной контекст: категории тоже *предельны*. Гегель замечает, что «характер научных занятий в древности тем отличается от научной работы нового времени, что эти занятия были, собственно, завершены развитием естественного сознания... Они развили себя до всеобщности, полностью приведенной в действие. В новое время, напротив, индивид застаёт абстрактную форму подготовленной» [2, с 17–18]. Система категорий выработана, остается «только» применить ее к миру. Уникальные орудия довелось создавать Круппу. Система категорий досталась от прежних эпох, они воспринимаются как априорные.

Субъект познания, характерный для Нового времени, не сомневается в наличии в мире причинной связи, в том, что существуют общие закономерности и их единичные проявления, что постижение сущности требует «углубления» и др. Эта исходная, априорная уверенность пронизывает восприятие мира. Система категорий определяет исследование мира уже потому, что она содержит готовый набор вопросов, которые субъект познания задает миру: в чем причина того-то и того-то? какой закон определяет эту группу явлений? причем, в правомерности задаваемых вопросов субъект нисколько не сомневается. Ответы, которые дает вопрошаемый, как известно, существенно зависят от задаваемых вопросов. Несомненна и зависимость ответов от способов, которыми вопрошаемого побуждают отвечать. Как известно, в качестве практического метода Кант указывает на эксперимент, который в те времена бесхитростно сравнивали с пыткой. Соответственно, естествоиспытатель есть некто, пытающий природу, а его экспериментальные средства суть орудия пытки. Мрачный опыт применения пыток к людям показывает, что в конечном счете большинство во всем признается, – не в том, что было на самом деле, а в том, что от него хотят услышать. Таким образом, оказывается, что «рассудок не черпает свои законы... из природы, а предписывает их ей» [3, с. 140].

Активность нововременного субъекта познания и действия подкреплена могучими средствами – духовными и материальными. Основой духовного постижения и упорядочения мира являются категории. Запас материальных средств достаточно разнообразен. Пушки (хоть бы и не крупковские), разумеется, наиболее эффективны, но совокупность экспериментальных средств и система машин более эффективны. В совокупности именно эти средства опосредуют мироотношение эпохи.

Применяя их, человек изображает картину мира средствами науки и искусства. Картина оказывается в высшей степени богатой. Научные открытия и многообразные варианты их практического применения, вплоть до космоса – вписаны в историю индустриальной эпохи. Искусство и литература образуют свои «пики». Литературная классика переходит от мира событий к внутреннему миру человека и успешно в нем обживает. Вся совокупность этих достижений представляет свое время. Общей чертой, объединяющей науку,

искусство и технику, является стремление к глубокому проникновению в мир.

Поскольку же активность приносит изменения, мир видится изменчивым, образно говоря – фаустовским. Фаусту, как живописал его Гете, необходимо было движение, постоянный рост, в котором он не мог остановиться. Тема развития находит предельное выражение в гегелевской диалектике. Заметим, что Гегель и Гете друг друга хорошо знали и не любили. В «Фаусте» имеется множество «наводок» от философии Гегеля. В связи с этим культуру Нового времени правомерно было бы обозначить как науко-логическую («Наука логики» творилась в течение всей жизни Гегеля, как и «Фауст» в течение жизни Гете), но «фаустовская», несомненно, лучше звучит, тем более что с «Логикой» сколько-нибудь близко знакомы весьма немногие. Круг знакомых с «Фаустом» был в свое время значительно шире. Идея прогресса столь же характерна для эпохи, как машинное производство и устремленность в космос, причем его начинают ожидать даже в тех областях, где он представлен далеко не явно. Примерами могут служить философия, искусство, нравственность.

Достижение вершин, характерное для эпохи, оплачивается отчужденным трудом, на заводах, фабриках, в конторах. Нередко на первое место ставят экономическое отчуждение, но исходной его формой является отчуждение технологическое, о чем писал еще Маркс. Частичный труд, самой «чистой» формой которого является работа на конвейере, не может не быть отчужденным, «во имя» чего бы он ни совершался.

Эпоху, современником которой мы являемся, чаще всего называют постиндустриальной, или же эпохой постмодерна. Стоит заметить, что приставка «пост», не говоря уже о «пост-пост» свидетельствует о том, что сущность происходящего сегодня не ясна. Впрочем, наверное, иначе и быть не может. Всем известно, когда начинает свой полет сова Минервы... Наиболее заметным в наши дни объектом-посредником является персональный компьютер.

Когда же современная эпоха началась? Предлагаем в качестве начала два последних десятилетия XX столетия. Впрочем, применительно к нашему вопросу точные даты не столь важны. Гораздо важнее события, определившие перелом. Во-первых, к этому времени так называемые развитые страны благополучно перенесли большую часть своего производства (шумящего, стучащего, загрязняющего окружающую среду) в страны «третьего мира». Соответственно, в них (развитых) началась постиндустриальная эпоха в буквальном значении термина. В это же время в нашей стране большинство промышленных предприятий – заводов и фабрик – были попросту закрыты по причине изменения общественного строя, а их работники предоставлены самим себе. Так и в России началась постиндустриальная эпоха.

Примерно в это же время персональные компьютеры заняли прочное, постоянное место в работе и частной жизни большинства. Правда, в нашей стране это произошло несколько позже, чем на Западе, но это не столь существенно. Главное, что произошло. Кстати, современную эпоху многократно называли «информационной», но этот термин оказался не слишком устойчивым. Сегодня все больше говорят и пишут о цифровизации.

Понятие заимствовано из электроники – науки, в рамках которой цифровое альтернативно аналоговому. Аналоговые электронные устройства работают с сигналом, поступающим на его вход в его исходной форме. Его преобразуют, очищают, предохраняют от помех, защищают от искажений, от возможного «возбуждения» (общепринятый термин), но работают именно с ним. «Цифровое» вошло в язык, науку, технику и культуру благодаря Г. В. Лейбницу, который изобрел двоичную систему исчисления. Двоичная система в аспекте возможности ее технического представления несравнима с десятичной. В ней всего две цифры – 1 и 0, моделирование которых не составляет никаких проблем. Они соответствуют значениям «включено» и «выключено», есть сигнал или нет. Страшно представить, какие усилия потребовались бы для моделирования десятичной системы. Как представить технически 10 положений чего-либо, да еще так, чтобы они безошибочно различались? Цифровая техника, сравнительно с аналоговой, проста, груба и не склонна к возбуждению. В цифровых электронных устройствах входной сигнал любой формы преобразуется в группу прямоугольных импульсов.

Едва ли не на заре электроники как науки были разработаны несколько электронных устройств, реализующих необходимые для работы с «цифрой» функции: преобразование сигнала любой формы в прямоугольные импульсы; запоминание как сохранение состояния, вызванного поступлением входного сигнала; «логические» функции И, ИЛИ, НЕ, осуществляемые одним и тем же устройством в разном исходном состоянии; шифровка и дешифровка, то есть перевод исходных данных из десятичной системы в двоичную и наоборот. Создателям и прежним поколениям «пользователей» ЭВМ было очевидно, что комбинирование названных простых функций позволяет решить множество «вычислительных» задач подобно тому, как семь нот в музыке дают огромное количество комбинаций, образующих музыкальные произведения любого типа. Непреодолимым препятствием казалось неизменное снижение надежности при увеличении сложности и объема изделий.

Эта задача была решена в США в 1983 году благодаря созданию микросхем, обладающих исключительной надежностью при минимальном объеме [4, с. 60]. Благодаря созданной элементной базе, появился персональный компьютер, по-настоящему пригодный почти для любой работы, и его многочисленные порождения: цифровые фотоаппараты, сотовые телефоны, айфоны – смартфоны и др. Несколько позже был создан Интернет. Согласно М. Кастельсу, для специалистов он стал достаточно широко известен в 1970-х гг., а для большинства – в 1995 году [4, с. 31].

С появлением сети персональных компьютеров, объединенных единой сетью, изменилась самая схема посредничества. Отдельные объекты-посредники всегда влияли не только на «глобальное» мировоззрение, но (прежде всего) на его отдельные аспекты. В качестве примера можно привести освоение электричества. Рассматриваемое не в технико-технологическом смысле, а в аспекте потребления, оно привело к новой ситуации психологического плана. Потребление и добыча энергии оказались разделенными настолько, что энергетические затраты утратили наглядность и оче-

видность. Потребитель электричества, в отличие от потребителя энергии пара, отделен от его вещественных и «силовых» эквивалентов в виде, например, гор угля и усилий кочегара. Уже этот простой факт привел к росту энергетических затрат и появлению спектра новых вещей, относящихся к разряду бытовой техники. В связи с этим неоднозначно выглядит современная борьба за замену автомобильных двигателей, использующих бензин и дизельное топливо, электродвигателями, работающими от аккумуляторов. Если замена будет проведена в массовом масштабе, воздух городских улиц, несомненно, окажется чище. Но как быть с тем фактом, что для получения электроэнергии надо непременно что-нибудь сжечь? и тем, что при сжигании и любой другой энергопреобразующей акции коэффициент полезного действия всегда меньше 100 %? Соответственно, общее антропогенное воздействие на климат возрастет.

Персональный компьютер – закономерный этап эволюции вычислительной техники, но в то же время он существенно отличается от всего того, что создавалось ранее в технологическом аспекте, и как предмет потребления. Раньше, какой бы длинной и опосредованной ни была цепь, ведущая от субъекта труда к природному объекту, она все же существовала. В русле технического разделения труда каждый из участников технологического процесса мог выполнять частичную работу, крайне слабо связанную с задачей преобразования природной среды, но все же в пределах воздействия на природный объект предполагалось. Более или менее совершенные ЭВМ направляли технологические процессы, рассчитывали траектории движения ракет и др. Что бы ни делал каждый отдельный работник, первичный смысл техники – изменение природной среды, сохранялся. Так же и значительная часть бытовых агрегатов была нацелена на некоторое практическое действие.

Сегодня сложилась новая ситуация. Появилась возможность работать и отдыхать, не выходя за пределы Интернета, а также значительная группа людей, которые эту возможность активно реализуют. Поскольку компьютеры, по общему правилу, немедленно стали необходимыми, они начали бурно совершенствоваться и обрести «периферию», создающей и удовлетворяющей самые разнообразные потребности. Никакого природного объекта при этом уже не предполагается. Человек обращен к технике, а техника замкнута на себя. Объект-посредник и объект-доминанта сливаются.

Кроме того, технологии индустриального типа, разработанные в индустриальную эпоху в сфере материального производства, начинают активно применяться за его пределами. В области образования, например, место знания как целевой и ценностной установки заняла компетентность. Компетентность как некое системное (или хотя бы суммативное) качество образовано совокупностью отдельных компетенций, позволяющих решать типичные задачи предполагаемой деятельности. Сходство с объединением в целое множества элементарных производственных операций совершенно очевидно. Отдельные методы обучения, считающиеся сегодня актуальными, вроде модульного обучения, только подтверждают эту аналогию. Читатель, обративший сегодня свежий взгляд в научно-педагогическую литературу, будет удивлен давлением технической терми-

нологии: технология, проектирование, ресурсозатратность и др.

Возможно, несколько противоестественной может представиться распространение индустриально-технологического способа деятельности на художественную литературу (некогда сказали бы – на изящную словесность). В свое время жанр реализма и собственно реальность накладывали на творение художественных произведений достаточно жесткие ограничения (этого не может быть, это не соответствует жизненной правде и др.). В советский период отечественной истории наибольшего сочувствия заслуживали, наверное, авторы исторических романов. Их постоянно уличали в том, что сюжеты не имеют ничего общего с реальной историей (как если бы критики были сплошь реальными историками) и пр. Появление жанра «фэнтези» принципиально изменило ситуацию: разговоры о реальности применительно к Среднеземью или Земноморью совершенно неуместны, там может происходить все, что угодно. Писатели, работающие в этом жанре, получили возможность свободного комбинирования элементов, представленных в мировой литературе (образов, сюжетов, поворотов темы),

проверенных в плане воздействия на душу читателя. «Мы проникаемся технологическим восприятием», пишет С. А. Храпов [6, с. 90], хотя не всегда это замечаем. Стоит еще раз добавить, что это технология индустриального типа, построенная на комбинировании элементарных операций.

Научная деятельность прежней эпохи не знала «поиска по ключевым словам». В настоящее время кроме этого «примитива» есть гораздо более изощренные программы – вплоть до определения смежной науки и ее аспекта – определяющие область исследований, смежную с той, которой занимается автор. Научная деятельность обрела свою технологию, образованную рядом стандартных операций.

Таким образом, в эпоху, именуемую постиндустриальной, индустриальная по своей природе организация деятельности обретает всеобщее содержание и, таким образом, объединяет разнообразные виды деятельности к квазииндустриальное целое. Мир представляется как объект привычно технологического «взятия». Технология представляет эпоху, задавая единый образец различным и разнородным видам деятельности. Она же и доминирует.

Литература

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть 1. Логика. – Гегель Г. Соч. В 14 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. Т. 1. 367 с.
2. Гегель Г. Система наук. Часть первая Феноменология духа. Соч. Т. 4, М., 1959. – 440 с.
3. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Соч. в 6-ти т. Т. 4. Часть 1. С. 67–218.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 325 с.
5. Федяев Д. М. Техническое мироотношение (сущность, модификации, эволюция). Дисс. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1994, 351 с.
6. Храпов С. А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» технологической цивилизации. Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88–95.
7. Эрн В. Ф. От Канта к Кресту. Вопросы философии. 1989. № 9. С. 96–108.